
Алексей Сыренко
Санитары времени.
Дубликат
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Алексей Сыренко

Санитары времени. Дубликат

«Автор»
2026

Сыренко А. С.

Санитары времени. Дубликат / А. С. Сыренко — «Автор», 2026

Строитель Дима покупает на барахолке старый нивелир. Щелчок прибора — и он уже под дождем стоит на автобусной остановке у нового ЖК, который мгновение назад был только котлованом. У него есть странная связь с прошлым через телефон, необъяснимое перемещение на восемь лет в будущее, и единственный человек, который готов его слушать — случайная девушка с парковки в жёлтом плаще.Дима позже узнаёт, что его прыжок — не случайность. Есть «Санитары времени»: они перебирают реальности в поисках сценария, где человечество выживет. Он — новый винтик в этой машине. Но платить за это знание приходится прошлым, дружбой, любовью.Вместо того чтобы следовать правилам, Дима решает всё исправить. Вернуть тех, кого потерял, и построить будущее, в котором есть место для него и для неё.Они ищут идеальную вероятность. А он — дубликат, который решает всё сам.

© Сыренко А. С., 2026
© Автор, 2026

Алексей Сыренко
Санитары времени. Дубликат

Книга первая
«Мы живём, подвешенные между двумя безднами:
прошлым, которого больше нет, и будущим, которого ещё нет».

Пролог. Исповедь в беседке.

На улице стало светлеть. Ураган бушевал, наверное, не более получаса. Вся площадь вокруг фонтана была усыпана белыми шариками града. Я вышел вслед за другими людьми, укрывавшимися, как и я, в тамбуре городской библиотеки. Глядя, как ураган ломает ветки, я наконец оторвался от своих мыслей. В голове прояснилось, дышать стало легче.

Я понимал, что мой поступок можно было расценить по-разному. С моей точки зрения всё получилось удачно. Отголоски совести, пытавшиеся пробиться сквозь мысль о благоприятном для меня финале, были почти не слышны. Да, возможно, когда-нибудь я буду жалеть, что так спонтанно решился на шаг, который привел к потере доверия друга. Но сейчас я понимал: другой возможности сблизиться с девушкой — моей единственной надеждой не сойти с ума после полученных знаний — у меня не будет.

Разгребая ботинками хрустящую россыпь ледяных шариков, я направился к остановке. Нужно было добраться до улицы Шмидта. Повезло: автобус №17 уже ждал. Я быстро заскочил внутрь. Все места были заняты, и я встал у входа, прислонившись спиной к поручням. Ноги промокли, но меня сейчас это волновало мало. Я думал о том, как буду объяснять Маше, каким образом в моём ежедневнике появились её записи. Придумал много вариантов, но ни один не казался убедительным. Решил положиться на импровизацию.

Город как будто просыпался ото сна, хотя время было уже за полдень. Сквозь чёрные тучи пробивались лучи солнца. Автобус тронулся, и я едва не упал, погружённый в размышления. Через полчаса мы встали в пробке. Где-то впереди, как я узнал позже, ураган повалил дерево. Я не стал ждать и попросил водителя выпустить меня прямо на дороге. Моему примеру последовали несколько пассажиров.

До улицы Шмидта я добрался минут за пятнадцать. Завернул за дом, во дворе которого должна была ждать Маша. Я начал волноваться. В беседке, спиной ко мне, сидела девушка. Я сразу узнал её по длинным тёмным волосам и жёлтому летнему плащу. Неужели тот самый, в котором она была в день нашей первой встречи? Я подошёл. Маша, услышав шаги, обернулась и улыбнулась. Как же ей шла эта улыбка!

— Привет! — Она смотрела на меня восхищённо. — Ты всё-таки приехал! Теперь я буду тебя пытать. — Она прищурилась и сразу рассмеялась.

— Привет, Маша. Ты давно здесь? Не надо меня пытать, я сам всё расскажу. Только тебе будет трудно в это поверить. — Я ответил улыбкой. Я не ожидал, что она меня так встретит. В голове мелькали мысли, что во дворе может ждать машина с санитарами. Я машинально огляделся – вроде, не было.

— До завтра я бы не дожила! Ты либо волшебник, либо я настолько глупа, что не поняла, как ты провернул этот фокус! — Маша испытующе на меня смотрела. В её глазах блестели азарт, и жажда узнать правду. — Подожди тут, принесу чай в термосе. Тут прохладно. Домой, прости, пригласить не могу. Неправильно это — незнакомого мужчину сразу в дом звать, согласен?

— Конечно, не возражаю. Всё-таки ты смелая — назначила встречу с незнакомцем, хоть даже и в беседке.

— Я не смелая, я любопытная. Твоя тайна меня зацепила. — Маша сверлила меня взглядом, будто пыталась раскусить. — Сейчас вернусь.

Я зашёл в беседку и сел на скамейку напротив того места, где она сидела. На столике лежал мой ежедневник. Неожиданно захотелось схватить его и убежать, лишь бы не начинать этот разговор. Мне стало смешно от этой мысли. Я удержался даже от того, чтобы просто взять его в руки, хотя соблазн был велик.

Маша вернулась минут через пять с термосом, двумя кружками и вазочкой конфет.

— Скажи, как ты вообще это придумал? Я не понимаю, как такое провернуть технически, но до этого же нужно было сначала додуматься! Это гипноз? Ну правда — как?

— Не вижу другого способа объяснить, кроме как рассказать всё по порядку. Наливай чай и устраивайся, как говорится, поудобнее. Кстати, если не ошибаюсь, именно в этом плаще я встретил тебя там! Ты же читала?

— Очень люблю этот плащ. Не помню, чтобы он там упоминался, но ладно. Начинай скорее!

— Ну, слушай, — начал я, прожевав первую конфету и запив её вкусным чаем.

Я рассказал Маше всю историю, упуская лишь некоторые детали, касавшиеся моих чувств к ней.

Глава 1. Исходная точка.

— Дима-а-а! Ты будильник не слышишь?! Саныч скоро подъедет, а ты дрыхнешь!..

Голос Наташи доносился из кухни, а в моей пустой голове гудело, как в бочке. Да, будильник. Мелодия уже второй раз заводила свою песню. Я натянул одеяло на голову, пытаясь нырнуть обратно в недосмотренный сон.

—Дима! Вставай уже!

—Встаю! — рявкнул я, вырубив будильник на телефоне. На экране поползли уведомления. Машинально смахнул — бесят. За завтраком в голове вертелось что-то важное, ускользающее.

—Наташ, я вчера тебе ничего не говорил? Кажется, меня о чем-то просили…

—Просили? Ты с работы позже приехал и сразу на диван. Вид у тебя разбитый. Не заболел?

—Нет… Вроде. Что-то по работе.

На улице послышался гудок автомобиля. Саныч. Непозволительно рано.

—Уже? — удивилась Наташа.

—Похоже, что да. Всё, я побежал!

Я залпом допил кофе, смахнул крошки с лица и, споткнувшись о стул, рванул в прихожую.

— Пока!

Натянул куртку, всунул ноги в кроссовки, схватил рюкзак. Черт, чего-то не хватает. Телефон! Остался на кухне.

—Наташ, телефон, подай пожалуйста! Забыл!

—Ну сейчас, подожди теперь!

Пока Наташа завершала какие-то там свои женские дела, пришлось поторчать в коридоре. Напротив меня висел календарь с Белым Кроликом в цилиндре. 2011 год. Какое сегодня? Вторник, 14 июня. Всего пять дней до Наташиного тридцатилетия. «Запомнить надо», — привычно щёлкнуло в голове, как будто я мог это забыть. Я не знал тогда, что это последнее утро, когда эта дата будет значить для меня только праздник. Последнее утро, когда будущее было пустым, тёплым и туманным, а не холодным, конкретным знанием.

Саныч дал нетерпеливый гудок. В этот момент Наташа сунула мне в руку телефон. Я вылетел на лестницу, услышав за спиной три щелчка замка.

—Совсем забылся? — встретил меня Саныч взглядом, полным укоризны. Я в ответ лишь развел руками.

—Ты чего так рано?

—Да ты что! Артемий Игоревич же просил нивелир новый купить — старый разбили! Ты ж вчера кивал! У меня-то голова целая была, я запомнил.

В памяти что-то щелкнуло. Точно, был разговор. Только голова тогда раскалывалась…

—Вспомнил, — буркнул я. — Вертелось же с утра. Артемий, мать его, Игоревич… Кто такие имена выдумывает? Станет человек начальником — язык потом сломаешь.

—Ладно, давай в «Кучу» заскочим, кофейку возьмем, — предложил Саныч. Его настроение с утра всегда было загадкой, но чашка кофе хотя бы не давала ему бурчать полдня. — Еле встал сегодня.

—Тогда через барахолку — так ближе. Я дернул ручку пассажирской двери. Не поддавалась.

—Саныч! Дверь открой! Когда починишь уже?!

Барахолка манила своей вечной, неспящей жизнью. Движуха тут не затихала никогда. А еще тут всегда находилось всё, что было нужно. Прямо по волшебству.

—Саныч, давай заедем сюда! — осенило меня. — Глянем нивелир. Вдруг дешевле? Игрич чеки всё равно редко проверяет. Кстати, сколько он дал?

Саныч фыркнул.

—Тебе самому выдал, вчера! Смотри в кошельке, в своем «специальном» кармашке для казенных денег. Сам же хвастался!

Пока Саныч искал место для парковки, я раскрыл потертый кошелек. В отдельном кармашке лежали деньги. Пятнадцать тысяч. Похоже на правду.

Глава 2. Покупка.

Барахолка всегда была местом сюрреалистичным. Как будто тут сходились края разных миров или эпох. Возможно, ощущение возникало от того, что здесь можно было найти всё: от ржавых царских пятаков до флагманских смартфонов, официальные продажи которых еще даже не стартовали. Барахолка гудела, как потревоженный улей. Это был не шум толпы, а симфония сипающих динамиков с дешёвой попсой, скрипа тележек по щебню и перебранки торговцев. Воздух пах пылью, жареными семечками и чем-то металлическим — запах старого железа. Это было место, где время текло не по стрелкам, а по прихоти. Я всегда чувствовал здесь лёгкое головокружение — будто стоял на краю чего-то большого и непонятного.

Саныч щелкнул замком машины, и мы направились к рядам. Меня всегда бесили эти ларьки с едой и дешевой бытовой химией. Настоящая барахолка — для вещей. Для артефактов. Под самодельным навесом бордового цвета на самодельном раскладном столике и пустых мешках из-под сахара были разбросаны инструменты. Назначение половины из них было для меня загадкой.

—Саныч, глянь на эту штуковину! В жизни такой не видел!

—Хрен ее знает. Спроси про нивелир и поехали. Я жрать хочу, а не на железки глазеть.

— Это один из первых стрипперов, — раздался голос сбоку. — Для зачистки проводов.

К прилавку вышел парень в потертых джинсах, длинной футболке с Оззи Осборном и кожаном жилете. Длинные волосы, шляпа с полями и маленькие круглые очки с темными линзами. Возраст его было не определить. От него пахло не барахолкой, а чем-то чужим: как будто пылью с дорог, по которым я никогда не ездил. В его темных очках, вместо моего отражения, угадывалась лишь тень рядов с хламом. «Не отсюда он», — мелькнула мысль, и спина непроизвольно похолодела.

Он ловко взял инструмент, откусил кусок кабеля, одним движением снял изоляцию, что-то щелкнуло — и три жилы оказались зачищены.

—Видал я такую у Петровича! — оживился Саныч, забыв на секунду о голоде. — Ты, Дима, не электрик, вот и не догадался. Ладно, цирк окончен. Нам нивелир нужен. Рабочий. Если фуфло подсунешь — я тебя запомнил, понял? Вернемся.

Барахольщик пристально посмотрел на меня, потом скользнул взглядом по Санычу и снова уставился на меня. Вскинул палец вверх, словно что-то вспомнив, и скрылся за брезентовой занавеской. Несколько минут рылся в своём барахле и вернулся с кейсом подходящих габаритов.

—Я не продаю хлам. Все, что здесь, — в рабочем состоянии. Этим прибором давно не интересовались. Если будут проблемы — выкуплю обратно. За двойную цену.

—Визитку дашь, для связи? — скептически спросил Саныч, разглядывая потертый футляр.

—Конечно.

На черной карточке белым шрифтом светилось: «Ozzy forever» и номер телефона. Маркетинг на узнаваемость на лицо.

Я открыл кейс. Нивелир как нивелир. Но что-то было не так. Ни шильдика, ни логотипа. Ничего.

—Поверка есть? — спросил я без особой надежды.

—Не знаю, что это. Но прибор точный. Не хуже новых.

—Сколько?

—Три тысячи.

—Долларов? — усмехнулся я.

—Рублей. Дороже не могу. Хотя он стоит больше.

—Смешно, — проворчал Саныч. Но в его глазах мелькнул знакомый хищный блеск. Мысли о наваре, об Артемии Игоревиче, который на инвентарь скупился куда меньше, чем на премии, явно складывались в выгодную схему.

—Может, лучше в строительный? — неуверенно сказал я. Тип был странный. Взгляд сквозь темные стекла вызывал мурашки. Но барахолка меня еще ни разу не подводила. Халява сама шла в руки.

—Дима, давай уже! — Саныч мысленно уже тратил свою долю. — Сломается — этот чудак вернет шесть тысяч. Шефу скажем, чек потеряли. Порычит, даст новые. Или сам купит. Решай.

Он развернулся и пошел к машине, давая мне понять, что решение за мной. Оззи стоял неподвижно, не проявляя ни волнения, ни интереса. Спину снова пробрало холодом. В животе предательски заурчало. Жрать. Надо жрать.

—Ладно, держи, —я протянул пятитысячную купюру. — Сдача с пяти. И пакет есть?

Он кивнул, упаковал нивелир в большой черный пакет, вручил мне две тысячи сдачи. Затем вдруг жестом остановил, метнулся за брезент и вернулся с двумя старыми деревянными рейками.

—Бонусом, — пояснил он без эмоций.

Я кивнул и поспешил к машине. Ощущение, что его невидимый взгляд прилип к моей спине, не отпускало. Я резко обернулся у самого автомобиля. За прилавком никого не было.

Саныч сиял. Его довольная физиономия выглядывала над машиной, за которой он стоял, ожидая моего возвращения.

—Ну что, теперь в «Куче» можно не только кофе хлебнуть, а по-человечески пожрать!

—Нам на работу, Саныч.

—Я о том и говорю — пожрать! И разменять надо. Поровну же? — он смотрел на две пятерки и две тысячи в моих руках с явной надеждой, что я просчитаюсь.

—Конечно, пополам, — вздохнул я. — Погнали. Там сейчас народу мало. Задержимся немного — мы же по делу.

«Куча» встретила нас привычным гулом и запахами жареного мяса, специй и свежего хлеба. Сочетание лагмана с пельменями и дешевизна делали это место культовым. Желудок заныл, как только я сел за угловой столик. Я всегда за этим столиком обедал. Захотелось жареного лагмана. Саныч сразу направился к стойке, хотя меню лежало на столике. Наверное, за сигаретами. Вернулся он с таинственной ухмылкой.

—Ну что, Димон, жрать будем? Я пельмешек тазик возьму! Тазик — это сколько порций?

—Без понятия. Я лагман. Бери две порции — не хватит, добавишь. Лепешку и компот себе возьму. Тебе к пельменям чего?

Я уже встал делать заказ.

—Кетчупа, да горчички. И… по пятьдесят, а? – Саныч достал из за пазухи чекушку. – Как же пельмени без? Халяву отметить надо! Удача, она ведь – баба капризная! Да и можем к обеду явиться — мол, весь город объехали в поисках. Ну ты понял. Чего смотришь?

—Саныч, ты невозможен. Но ладно… — Сдался я. До работы рулить ему, не мне. А права мои вернут только через три месяца. Да и объект на окраине, за городом почти.

— Пятьдесят, так пятьдесят. Только, блин, меня за руль потом не проси…

На душе с утра скреблись кошки. Предчувствие. Но я в эти глупости не верил. Знаки судьбы — для тех, кто в них верит. Я же всегда полагался на факты. А факт был таков: халявный нивелир в багажнике, сэкономленные деньги в кармане и друг, жаждущий отметить удачу. В общем, как это часто бывает, «по пятьдесят» оказалось лишь началом. Дальше— не помню…

Глава 3. Цена удачи.

— Как ты вообще глаза-то открыл? — первое, что я выдавил из себя, плюхаясь на заднее сиденье машины Саныча. Вид у него был краше моей совести. Как Наташа умудрилась вытолкать меня из дома — загадка. Видимо, многолетний опыт.

—Проклятый новый телефон! — хрипел Саныч, заводя мотор. — Старый бы к утру помер, а этот хоть бы хны! Этот… Тёма Игоревич, мать его, с самого рассвета долбил! Объяснил ему, что мы вчера полгорода исколесили, искали твой нивелир. Потом, мол, машина глохла… Бред, конечно. Он не купился. Спрашивал про тебя — я тебя прикрывал как мог. Тоже не повелся.

—Уволит?

—Да нет, мужик в целом адекватный, если не злоупотреблять. Придется выходные пахать, чтобы по зарплате не урезал. Вот такая арифметика.

Он попытался сделать виноватое лицо, но вышло жалко. Не верю! Как говаривал один режиссёр. Влипли по полной. А начало-то где? Ах да — те самые «по пятьдесят».

—Саныч, ну ё-моё! По-пятьдесят, блин!

Тут меня осенило. В воскресенье же у Наташи день рождения! А мне смену отрабатывать…

—Да расслабь ты тормоза! — рявкнул Саныч. — Я ж тебе в глотку не лил! Что было, то сплыло. Живём дальше.

Спорить не было сил. Доехали молча. Погода соответствовала состоянию — мерзкая, сырая духота, низкое серое небо, порывистый ветер. Перед шлагбаумом ЖК «Загадка Моря» я спохватился:

—А нивелир-то мы взяли?

—Я его и не вытаскивал. И эти чёртовы рейки — еле впихнул в салон.

—А вот интересно, — мозг, ища отвлечения, цеплялся за что попало, — с чего это «Загадка Моря»? До моря пятьсот километров. Ни ума, ни фантазии.

Охранник лениво взглянул на пропуска, махнул рукой. С такой охраной можно было бы провести не только ящик коньяка, но и партию калашей и девочек толпу!

Стройка гудела. Первая многоэтажка уже вырисовывалась в сером небе — без окон, без дверей, но уже монументальная. Наш участок — будущий двор — был расчищен. Нам предстояло бить бордюры и класть плитку. В стороне копошились в котлованах, гремела техника. У нас же — тишь да благодать.

—Надо аппарат проверить, — сказал я, выгружая из багажника кейс и вытаскивая из салона неудобные деревянные рейки. — Сушняк конкретный. Саныч, в машине хоть вода есть? Или что покрепче?

—Не, не подумал. Сам чуть не помёр. Щас, сгоняю. Ты один справишься? Поверку там сделать?

—Не впервой. Прислони эту рейку к забору у КПП, а вторую я сам поставлю. К твоему возвращению будет ясно, надул нас тот тип или нет. Этот… Оззи. Давай, быстрее, пить хочется!

Саныч, к моему удивлению, не забыл про рейку. Прислонил её к бетонному забору и укатил за живительной влагой. Отлично. Посмотрим, что за раритет нам впарили. Я установил штатив на бетонную плиту, вынул из кейса нивелир. Прибор был холодным и непривычно тяжелым. Прикрутил его, взял вторую рейку и понес её к ближайшему забору.

Глава 4. Разрыв. 2019.

Я в работе дотошный. Особенно с приборами — нивелиры, лазерные уровни. Даже с тахеометром немного сталкивался — штука сложная, дорогущая. Пацанам-геодезистам, которые с ними ходят, не пыльно, а платят хорошо...

Ладно, всё это - лирика. Вернёмся к нашим баранам. Нивелир внешне — обычный. Все винты на месте, люфтов нет. Только вот никаких опознавательных знаков. Ни шильдика, ни клейма. Начал выставлять прибор по пузырьковому уровню. Раздался тихий, но отчетливый щелчок внутри прибора. Странно. Нивелиры не щелкают. Я повернул его на 90 градусов, начал крутить винты. Снова щелчок. И в тот же миг с неба обрушился ливень. Не дождь, а сплошная стена воды, захлестнувшая площадку за секунды.

—Твою мать! Откуда?! — выкрикнул я, инстинктивно прикрывая голову руками. Скорыми, паническими движениями я скрутил нивелир, сунул в кейс, схватил штатив и бросился к нашему вагончику. Он был в двадцати шагах. Через десять шагов я замер. На том месте, где еще минуту назад стоял наш синий бытовой вагон, был пустой асфальт, блестящий от воды.

—Э! Где... Что?!

Я лихорадочно огляделся. Вагончика не было. Совсем. Вместо него в паре десятков метров виднелся незнакомый навес, похожий на автобусную остановку. Вчера его тут не было. Да что вчера — час назад его не было! Я перебежал под его крышу, тяжело дыша. Вода стекала с меня ручьями. Я провел ладонями по лицу, сгоняя воду и пытаясь согнать нарастающий ужас. Осмотрелся. И мир перевернулся. Шум дождя стих так же внезапно, как и начался. Тишина. Давящая, неестественная тишина после гула стройки. Её не разрывали рёв перфораторов и мат рабочих. Её заполнял ровный гул машин где-то за домами, да редкие птичьи трели. Чистота. Не та чистота после уборки, а стерильная, новая, как с витрины. Асфальт блестел ровными квадратами плитки, а не был изрыт гусеницами экскаваторов. И запах… Пахло не бетонной пылью и соляркой, а скошенной травой и чем-то химически-цветочным из автоматических поливалок. Меня охватил не просто ужас, а чувство чудовищной неправильности. Как если бы тебя выдернули из родного, шумного, душного бара и подменили декорациями клипа про счастливую жизнь. Красиво, но неправильно. Парковка, на которую мы

только что привезли материалы, была заставлена машинами. Дом, который стоял голым бетонным каркасом, теперь сиял стеклами балконов, в некоторых окнах виднелись шторы. Котлованы исчезли — на их месте высились другие, готовые дома. Всё было чистым, ухоженным, жилым.

—Это... невозможно, — хрипло прошептал я. Паника, холодная и липкая, сдавила горло. Я закрыл глаза, зажмурился изо всех сил, начал хлопать себя по щекам. Проснись. Проснись!

Я не решался открыть глаза. Приоткрыл один — мир не изменился. Открыл оба. На парковке пискнула сигнализация. Я вздрогнул. Высокая девушка в ярко-желтом летнем плаще открывала багажник желтой иномарки. Достала что-то, закрыла, пошла в мою сторону, на остановку.

—С вами всё в порядке? — ее голос прозвучал на удивление реально, выдернув меня из ступора. — Вам помощь нужна?

—Да... нет... не знаю. Извините. Просто промок... бред какой-то, — я бестолково мотнул головой, пытаясь собрать рассыпающиеся мысли. Она казалась настоящей. Остановка, которую я потрогал, — настоящей.

—Вам точно не нужна помощь? Вы очень взволнованы. Вам в город? — в ее глазах читалась искренняя тревога.

—Извините... Вы в этом доме живете? — выпалил я первое, что пришло в голову. Надо было с чего-то начать.

—Да. А вы?

—Нет, я... в городе. Скажите, эти дома давно сдали? Стройка давно закончилась? — голос мой дрожал.

—Мы живем уже три года. Сдавались они, по-моему, лет пять назад. Почти сразу и купили.

—Этого не может быть... — пробормотал я, уже не следя за собой.

—Чего не может быть?

—Я... я сегодня утром приехал сюда строить эту парковку. А дом был без окон. А там, — я ткнул пальцем в сторону бывших котлованов, — были ямы. Глубокие. У вас есть вода? Пить нестерпимо хочу. Она смотрела на меня, и я видел, как на ее лице боролись участие и желание рассмеяться. Сумасшедший. Я и сам бы посмеялся.

—Вода? Кажется, да. — Она сняла зеленый рюкзак, достала небольшую бутылку. — Держите. И да... вы правы. Этого не может быть. — Улыбка все же победила, но она старалась быть мягкой.

Я жадно отхлебнул почти половину. Вода была прохладной и нереально вкусной.

—Какой сейчас год? И, число? —спросил я, наконец-то начал задавать правильные вопросы.

—Четырнадцатое июня, — она достала из кармана плаща огромный, невиданного дизайна смартфон, разблокировала. — 2019-го.

В глазах потемнело. 2019-й. Восемь лет. Восемь лет.

—Я, наверное, схожу с ума, — тихо сказал я. — Или это розыгрыш. У вас, наверное, айфон пятый уже?

Она рассмеялась— открыто, беззлобно.

—Это последняя модель, десятый! Вы точно с луны свалились! Ой, простите... — она снова сдержалась, увидев мое лицо. — Мой автобус. Меня Маша зовут. Надеюсь, все у вас будет хорошо. Вы... забавный.

Автобус, бесшумный и современный, подкатил к остановке. Двери открылись. Маша зашла, на прощание обернулась, еще раз улыбнулась и скрылась внутри. Я стоял, сжимая полупустую бутылку. 2019 год. Четырнадцатое июня. Та же дата.

Промелькнула мысль: телефон! Я судорожно вытащил из кармана свой старый, уже мокрый аппарат. Набрал Саныча.

—Саныч, ты где?! — почти закричал я, услышав его голос.

—Дима? Я у вагона! Ты куда испарился? И аппарата нет. Прихватило, что ли? — его голос звучал так, будто он был там. В 2011-м. В моей реальности. Или в том, что ею было.

—Саныч, ты не поверишь... Я тут, в паре метров от того места, где вагон должен стоять. Но его нет.

—Ты о чем? Я уже полчаса тут всех обшариваю! Хорош прикалываться, вылезай! Пиво уже тёплое!

—Саныч, слушай меня! — я говорил, пытаясь заглушить истерику в собственном голосе. — Я не знаю как, но я нахожусь здесь, а «здесь» — это 2019 год! ЖК уже давно достроен, люди живут! Ты меня слышишь?!

—Дима, да ты совсем... Отоспись нормально! Кончай клоунаду, свалил домой — так и скажи.

—Сейчас, я тебе фото отправлю! Подожди, не отключайся! Мои пальцы дрожали. Как это возможно? Если я в будущем, как я звоню в прошлое? Что за чертовщина? Я включил камеру, снял готовые дома, парковку с машинами, потом, переключив на селфи, снял свое перекошенное лицо на фоне этой идиллии. Отправил.

—Получил?

Пауза. Длинная.

—Дима... — голос Саныча стал приглушенным, сдавленным. — Ты... как ты это сделал? Картинки... Они как настоящие. Это... Не может быть.

—Я же говорю! Я и сам не верю! — почти взвыл я.

—Не... Не может... — он бормотал что-то невнятное. — Ладно... Ладно, Дима. Я... я сейчас проедусь еще, поищу тебя здесь. А ты... Ты иди ко мне. Домой. Понял? Ко мне.

—А как я до тебя дойду, если ты... — но он уже положил трубку.

Я опустил руку с телефоном. Куда идти? Логика кричала: иди к Санычу. Но где он сейчас? В восьми годах позади? Я побрел в сторону, где раньше был КПП. Его не было. Была обычная дорога в город с тротуаром, клумбами, какими-то абстрактными скульптурами. Мысль работала лихорадочно. Богатый чудак. Масштабный розыгрыш. Нашел похожую готовую стройку, подстроил все... Но зачем? И как объяснить телефонный разговор? Как объяснить щелчок и ливень? Вдалеке показались знакомые очертания города— телебашня, вышка в Заречном... Барахолка. Заречный район. Барахолка. В мозгу, как вспышка: Оззи! Странный тип. Неправильный взгляд. «Если будут проблемы — выкуплю обратно. За двойную цену». Сердце заколотилось чаще. Это была ниточка. Единственная. Солнце, выглянувшее из-за туч, осветило мокрый асфальт. Я ускорил шаг. До барахолки пешком минут сорок. Погода, вроде, одумалась. Вышло солнце, стало тепло. Надо торопиться, пока не сошел с ума окончательно. На полпути до города, я спустился под мостик, чтобы спрятать нивелир. Интуитивно я догадывался, что его нужно сохранить.

Вот и город. Люди. Их было мало, и они все куда-то шли. Не бродили, как я, а двигались с тихой, уверенной целесообразностью. В руках у всех — смартфоны, в которые они тыкали пальцами, не глядя по сторонам. Я поймал себя на мысли, что выгляжу тут как пятно грязи на новом костюме. Пришелец. Диковинка. Сумасшедший.

Глава 5. Восемь лет тишины.

Город изменился. Он был похож на того самого родного дядю, которого не видел много лет — вроде узнаешь черты, но всё иначе. Район, когда-то спальный и уютно-запущенный, теперь напоминал выставку дорогой мебели. Где раньше был пустырь с ржавыми качелями — теперь сквер с ровно подстриженными кубами кустарников и дорожками из резиновой

крошки. Даже деревья стояли какие-то правильные, привозные, с аккуратными кронами. Всё было спроектировано, всё имело цель, и от этого было невыносимо тоскливо. Пахло не сиренью и пылью, а свежим асфальтом и грунтом из пакета. Я шёл, и мне хотелось найти хоть одну трещину в этом идеальном фасаде, хоть один случайный одуванчик у забора — свидетельство жизни, а не дизайна. Больше рекламы, ярче, навязчивее. Я уставился на огромный билборд с рекламой Samsung Galaxy S10. У меня в кармане лежал S2, который я с гордостью купил в кредит несколько месяцев назад. Теперь он — музейный экспонат.

Автобусы стали другими — низкими, бесшумные. Остановки — из стекла и хрома. И шум… он был не таким, более глухим, приглушенным. Район, который в моей памяти был захолустным, теперь явно преуспевал. На пустыре, где я когда-то учился жать сцепление на старенькой «шестерке» отца, теперь высился огромный торговый центр. Даже вывеска «Икеи» и «Ашана» красовались на фасаде. Я шёл, и город методично стирал мои воспоминания. На месте гаража, где мы с Саныčем когда-то меняли колесо под дождём, теперь стояла гладкая, как леденец, кофейня с непонятным названием. Из её дверей пахло не кофе, а карамелью и деньгами. Даже звук был другой — шины новых машин шуршали по асфальту приглушённо, а не лязгали, как раньше. Всё было удобно, тихо и бездушно. Тоска давила грузом — тоска не по прошлому, а по-настоящему, которое у меня украли. Я всегда был фантазером, но в своих мечтах я не заходил так далеко. Теперь я не просто фантазировал о будущем — я в нем тонул.

Мысль о звонке Саныčу не давала покоя. Значит, связь есть. А раз есть связь — должен быть и путь назад. Эта мысль, как спасательный круг, не давала сойти с ума.

За поворотом должна была быть барахолка. Я почти побежал. На ее месте теперь стоял аккуратный крытый рынок из светло-коричневого кирпича. Никаких самодельных ларьков, никакого гула «мистических пчел». Я поднялся по чистым ступенькам. Внутри пахло мясом, сыром и зеленью. Торговые ряды с продуктами. Никаких инструментов. Я прошел через весь зал, надеясь увидеть знакомый бардовый навес, но уперся в беляшную. Аромат свежего мяса и жареного теста ударил в ноздри, и желудок сжался от голода. Я не ел, кажется, целую вечность. Или восемь лет.

—Беляш и тархун, пожалуйста.

—Сорок и шестьдесят. Соточка с тебя, сынок.

—Шестьдесят за тархун? Раньше тридцать был!

Бабуля за прилавком посмотрела на меня как на пришельца.

—Какие тридцать? Давно таких цен не видели, разве что на оптовке!

Я заплатил, взял беляш и бутылку, уселся на скамейку. Жевал механически, не чувствуя вкуса. Цены, рынок, отсутствие барахолки — всё складывалось в одну жуткую картину. Оззи здесь не было. Наверное, его и не было уже много лет. Во втором павильоне тоже были продукты. Я так обошел весь рынок. Ничего похожего на ларек с инструментами я не нашел. Ладно, нужно до Саныча дойти.

До Саныча от сюда было рукой подать — минут пятнадцать ходьбы. Мне нужно было видеть его. Слышать его бурчание. Убедиться, что хоть что-то осталось неизменным.

Переулок привел меня на улицу Ершова. Я сразу почувствовал неладное. Машины Саныча не было у ворот. Он редко загонял ее во двор, всегда оставлял на виду, «чтобы не заржавела». Его забор, когда-то аккуратно выкрашенный, теперь стоял покосившимся, с выпавшими штакетинами. За ним виднелся заброшенный сад. Саныч свято ухаживал за своими яблонями и той желтой сливой, сладкой, как мед. Теперь всё заросло бурьяном.

В груди похолодело. Сердце забилось так громко, что звенело в ушах.

Я осторожно вошел в калитку. С заднего двора донеслось хриплое тявканье. Не фирменный лай его пса Полкана, а что-то жалкое, дворовое.

Я толкнул дверь в сени. В доме пахло старостью, лекарствами и тишиной.

—Саныч? Сергей? Ты дома? — мой голос прозвучал чуждо и громко в этой тишине.

Послышались шаркающие шаги. Дверь на кухню приоткрылась, и в щели показалось лицо — изможденное, в глубоких морщинах. Валентина Андреевна, мать Саныча. Она смотрела на меня долгими секундами, глаза постепенно расширяясь от неверия.

—Дима? Господи… Царь небесный… Ты ли это? Откуда ты? — её голос дрожал. Она отворила дверь шире, жестом приглашая войти. — Проходи, проходи… Свят-свят…

Она усадила меня за кухонный стол, застеленный потертой клеенкой, и пошла ставить чайник.

—Сергей скоро будет? Мы договорились встретиться, — выдавил я, уже зная ответ по тому, как сгорбились ее плечи, по мертвенной тишине в доме.

Она медленно повернулась. В её глазах стояла такая бездонная печаль, что мне стало физически плохо.

—Похоронили мы Серёженьку… Царствие ему небесное, — она перекрестилась дрожащей рукой. — Уж два года как… — Она села напротив, вытерла платочком внезапно навернувшуюся слезу. — Как ты пропал, он весь извелся. Всё твердил про какую-то мистику, про фотографии твои… Никто не верил. С работы тогда выгнали. Запил… Потом вроде взялся за ум, снова на стройку устроился. А потом… опять… — Она смотрела на меня не с упреком, а с мучительным вопросом. С надеждой, что я смогу объяснить то, что свело её сына с ума и в могилу.

В горле встал ком. Саныч. Весельчак, балагур. Мертв. Получается, после нашего последнего разговора в 2011-м он прожил еще шесть лет. И эти годы были отравлены.

—Как… что случилось? — прохрипел я.

—Пил много. С дурной компанией связался. В драке… ножом… — она махнула рукой, не в силах договорить. — А ты-то где был, Дима? Куда пропал?

Я не мог ответить. Вместо этого я достал телефон.

—Он вам фотографии показывал? Те, что я ему тогда отправил?

—На парковке какие-то? Показывал. Бредни всё, думала я. Не бывает такого.

—А вот эти? — я открыл галерею и показал ей снимки, сделанные утром: готовые дома, машины, мое лицо на их фоне.

Она всмотрелась, и в её глазах промелькнуло что-то похожее на страх.

—Вроде… похожи. А что?

Я открыл свойства верхней фотографии и протянул ей телефон.

—Посмотрите на дату.

Она надела очки, висевшие на цепочке, и прищурилась.

—Четырнадцатое июня… 2019-го? Девять часов… Сегодня? — Она подняла на меня взгляд, полный полного смятения. — Дима, я не понимаю… Что это значит?

В её голосе была такая беспомощность, что моя собственная растерянность отступила перед волной вины и жалости. Я нагрузил её непосильной тайной, от которой её сын не оправился.

—Я… и сам не знаю, — глухо сказал я, забирая телефон. — Простите меня, Валентина Андреевна. Простите… Мне надо идти.

У меня промелькнула мысль, что нужно сейчас позвонить Санычу из прошлого и его мать смогла бы с ним поговорить… Но сразу сообразил, что это её добьёт.

— Бог простит, — тихо сказала она, не вставая со стула.

Я выбежал из дома, сломя голову, как будто мог убежать от этого кошмара. Только отойдя на несколько сот метров, я остановился, прислонился к фонарному столбу и, задыхаясь, достал телефон. Надо позвонить ему. Прямо сейчас. Пока связь есть.

Я набрал номер. Гудки…

—Да, Дима? Ты где, сволочь? — в трубке прозвучал его голос. Живой, бодрый, раздраженный. Слезы подступили к горлу. Он жив. Там, в 2011-м, он жив.

—Саныч, слушай… — начал я, но в этот момент экран телефона погас. Попытка включить его ни к чему не привела. Батарея села окончательно.

—Твою мать! — закричал я в пустоту, швыряя бесполезный кусок пластика в траву. Но тут же, обессиленный, полез искать его. Это была последняя ниточка.

Я нашел телефон, съежился на обочине у забора, обхватил голову руками. Мир рухнул окончательно. Будущее оказалось враждебным и одиноким. Прошлое было недосягаемо. А настоящее было кошмаром, в котором я был призраком, застрявшим между двумя мирами.

Глава 6. Чужой порог.

Сознание вернулось ко мне вместе с леденящим холодом. Я лежал... Открыл глаза — над головой черное небо, в лицо дул сырой, пронизывающий ветер. Я лежал, свернувшись калачиком, в мокрой траве на обочине. Где я? В голове путались обрывки мыслей — парадокс времени, сон о будущем… Сон?

Тут я вспомнил. Мне приснилось, что я попал в будущее и узнал, что Саныча нет в живых. Ну и кошмар… Хорошо, что сны заканчиваются.

Я сел, поеживаясь от холода. Так, что было вчера? Работа, новый объект… Потом вроде домой. Какого черта я на улице? Я поднялся, обхватив себя за плечи, и осмотрелся. Частный сектор. Фонари горят через один. Я подошел к ближайшему столбу, чтобы разглядеть номер дома. «Ершова, 39». Улица Саныча. Ладно, хоть ориентация не подвела. Может, у него куртку взять, а то зуб на зуб не попадает.

Я поплелся к его дому, пытаясь привести мысли в порядок. Но чем ближе подходил, тем сильнее сжималось сердце.

Забор был покосившимся, сад — запущенным до неузнаваемости. Точь-в-точь как во сне. Это не был сон. Холодная волна осознания накрыла с головой. Всё, что я считал кошмаром — реальность. Я прокрутил в памяти «сновидение»: парковка, Маша, звонок Санычу… Его мать. Войти в этот дом сейчас? Нет смысла. Его здесь нет. Там, в прошлом — он жив. А здесь… Бред.

Что делать?

Я судорожно достал телефон. Экран был черным и немым. Села батарея. Даже время не узнать. Нужно добраться домой. Только и оставалось. Господи, хоть бы Наташа…

Полный мрачных предчувствий, я побрел в сторону своего района. Идти около часа. Машинально похлопал по карману, нашел сигареты. Они, на удивление, просохли. Первая хорошая новость.

Я шёл и разглядывал город будущего, будь он неладен! Навстречу шли люди. Болтали о чем-то, смеялись, ругались, просто молча шли держась за руки. Кто-то спешил, кто-то прогуливался. На трамвайной остановке я спросил у старушки время. Без четверти двенадцать. Сколько же я провалялся без сознания?

Мысль о Наташе сверлила мозг. Пусть будет что угодно, только пусть она жива. Если все это правда, значит, я исчез на восемь лет. Нет меня там, нет и здесь. Чтобы вернуть всё назад, надо понять, как это произошло. Оззи. Ключ — в этом странном барахольщике.

Визитка! Он же дал её Санычу!

Я обыскал все карманы. Пусто. Конечно, она у Саныча. Значит, нужно снова позвонить ему в прошлое, узнать номер. Хоть какой-то план. Сначала — зарядить телефон.

Домой ночью идти не стал. Будить Наташу… не знал, чего ожидать. Нужно было убить время до утра. Я зашел в первый попавшийся круглосуточный бар, заказал нарезку и лимонад. Алкоголь был сейчас последним, чего мне хотелось. Уселся у окна, глядя на ночной город. После еды удалось задремать, скорчившись на жестком сиденье.

Проснулся от тишины. В баре почти никого. Бармен сказал, что без пяти шесть. Не думал, что смогу так вырубиться.

Я заказал кофе, вышел на пустую террасу, закурил. Город просыпался, а я чувствовал себя призраком. Ладно. Пойду домой. Чего ожидать я не знал. Боялся накручивать…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.